

КОРОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

СЛАВА, ЧЕСТЬ И ДОБЛЕСТЬ
ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

Николай Фоменко

**Корона Российской империи.
Слава, честь и доблесть
династии Романовых**

«ЭКСМО»

2013

Фоменко Н.

Корона Российской империи. Слава, честь и доблесть династии Романовых / Н. Фоменко — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-64712-5

Российская Империя, духовный стержень которой составляла династия Романовых, оставила неизгладимый, величайший след в истории человечества. Что бы ни говорили об Империи летописцы, аналитики, оппозиционеры и враги нашей великой страны, история российского самодержавия оставила миру незабываемые, ярчайшие примеры доблести, беззаветного патриотизма, воинского подвига, жертвенного служения Православной Вере и своему народу. Судьбы российских монархов никогда не были легкими. Жизнь каждого из них – это образец самопожертвования, сознательного, преисполненного священным долгом восхождения на Голгофу, имя которой – Великая Россия. Эта прекрасно иллюстрированная книга приурочена к замечательной дате – 400-летию Дома Романовых.

ISBN 978-5-699-64712-5

© Фоменко Н., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Введение	5
Михаил Федорович	8
Алексей Михайлович	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Фоменко

Корона Российской империи. Слава, честь и доблесть династии Романовых

Введение

Россия – это монархия, а монарх – это Государь. Так по крайней мере было на протяжении большей части российской истории.

Однако в течение всех этих столетий Государь был для большинства подданных образом скорее мифологическим, чем реальным. Миллионы людей во всей огромной империи рождались, жили и умирали, так никогда и не увидев вершителя собственных судеб. Барельеф на серебряном целковом да гимн «Боже, Царя храни!» не давали ясного и четкого представления о личности монарха, его характере и человеческих склонностях. Все это можно было лишь домыслить.

А потому образ российского самодержца, реального человека и исторической фигуры, вытеснялся в сознании миллионов людей фольклорными типажам: Иван-царевич на Сером волке, царь Максимилиан из святочной комедии. Жители губернских центров вполне могли присовокупить к такому собирательному портрету и парадное изображение Государя, обязательное в каждом присутственном месте. В представлении подавляющего большинства россиян все эти мифические монархи – как правило, мужественные, справедливые и добрые! – существовали в некоем заоблачном тридевятом царстве, жизнь в котором протекала по сказочным, неземным законам. Но разве для жителя Соликамска екатерининских времен или для обывателя Кунгура николаевской эпохи далекий Санкт-Петербург не был таким же тридевятым царством?

Ничто не выглядит так привлекательно и не оседает в народной памяти так устойчиво, как исторический миф. А потому представления о российских царях и императорах как о фольклорных героях да персонажах парадных портретов бытуют и поныне. Между тем все они – не мифологические образы, а живые люди со своими достоинствами, тревогами, сомнениями и надеждами. Даже сегодня за слоем исторических напластований и патриотических фальсификаций вполне можно рассмотреть и живые человеческие лица царей и императоров, драматические судьбы этих людей, жестокие страсти, снедавшие их.

Личностные качества самодержцев зачастую играли решающую роль в определении не только их собственных судеб, но и будущего огромной страны, которой они безраздельно правили. Именно по этой причине различные периоды в истории российского государства нередко называют именами монархов: «петровские реформы», «елизаветинские времена», «блестящий век Екатерины»...

Картины этих эпох, запечатленные в исторических трудах, художественной литературе и многочисленных кинолентах, и формируют наше представление о прошлом России. При этом сами личности московских царей и российских императоров нередко остаются в тени той самой монументальной государственности, к созданию которой они были причастны.

Наш рассказ – о российских Государях дома Романовых, об их судьбах, чаяниях и победах.

Михаил Федорович

В январе 1613 года, с окончанием так называемого Смутного времени, в Успенском Соборе московского Кремля начался Земский собор – своеобразный съезд делегатов со всего царства. В отличие от множества предыдущих, проводимых еще со времен Ивана I V, этот собор стал самым авторитетным. В его работе участвовали более восьмисот человек. Посланцы, избранные в двухсот семидесяти семи городах, представляли почти все тогдашние слои населения России: черное и белое духовенство, посадских людей, купечество, вольное крестьянство, казачество и, конечно же, дворянскую и боярскую знать. Заседания проводились в отдельных палатах, по сословиям: бояре, духовенство, служилые, посадские и уездные люди, казачество. Лишь когда каждое сословие в закрытой палате достигало консенсуса, решение, принятое ими, выносилось на рассмотрение «всей земли». А задача перед делегатами стояла серьезная. Ведь их единственной целью были, ни больше ни меньше, выборы нового царя. Это был четвертый случай, когда монарха в России избирали относительно демократическим способом. Если не брать во внимание новгородское и псковское вече, на которых также выбирали князей, то в Москве первые выборы монарха «всем миром» произошли на Земском соборе 1584 года. Царем тогда стал Федор Иоаннович. Следующие такие выборы произошли всего лишь спустя пять лет, в 1589 году, когда древний символ монархической власти, шапку Мономаха, получил Борис Годунов. Через одиннадцать лет на Земском соборе московским царем был избран польский королевич Владислав.

Причина Земского собора 1613 года была такова. Царская ветвь династии Рюриковичей прервалась со смертью Федора Иоанновича, сына Ивана Грозного. Правление Бориса Годунова и последующая Великая смута значительно подорвали силы Московской державы и заметно поколебали сам авторитет верховной власти. На соборе следовало избрать такого монарха, который, с одной стороны, имел бы волю и желание восстановить основы государственности, с другой – слушался бы бояр и не отличался слишком крутым нравом. Ведь память об опричнине Ивана Грозного еще была свежа в памяти всех русских людей. Родовитость претендента также имела немаловажное значение.

Как часто и бывает на подобных съездах, делегаты быстро разделились на фракции. Каждая группировка отстаивала своего кандидата на престол. Часть бояр предлагала увенчать шапкой Мономаха шведского королевича Карла-Филиппа, другие хотели вернуть на трон Владислава. Однако это предложение было отвергнуто с формулировкой «некоторых государств иноязычных на Владимирское и Московское государство не избирать». Таким образом, главная борьба развернулась между влиятельными кланами, лоббировавшими интересы представителей старомосковской боярской знати: Федора Мстиславского, Ивана Воротынского, Федора Шереметева и Ивана Голицына. Как водится, имела место и коррупция. По свидетельству летописца, «многие же от вельмож, желающи царем быти, подкупахуся многим и дающи и обещающи многие дары». Несколько недель прошли в бесплодных спорах и подковерных интригах, пока, наконец, не прозвучало имя Михаила Федоровича Романова. Несомненно, это была во всех отношениях компромиссная кандидатура. В 1613 году Михаилу Федоровичу едва исполнилось шестнадцать. Это гарантировало, что он наверняка будет прислушиваться к мнению старших советчиков – по крайней мере, в первое время. Бояре рода Романовых слыли людьми хозяйственными и очень богатыми. Некоторые их имения по размерам и доходам вполне могли соперничать с небольшими княжествами. Да и сами Романовы, состоявшие в родстве с Рюриковичами, считались весьма родовитыми. Главным же козырем у сторонников этой кандидатуры был отец претендента – боярин Федор Никитич, к тому времени более известный как Филарет, митрополит Ростовский. Во время выборов царя он находился в плену, но в Москве у него оставалось множество друзей и союзников, многие из которых присутство-

вали и на Земском соборе 1613 года: князья Лыковы, Черкасские, Шестовы, а также немало других влиятельных боярских и дворянских родов.

Есть легенда, что первым кандидатуру Михаила Федоровича выдвинул некий мелкий дворянин из Галича. Часть бояр, враждебно относившихся к Романовым, тут же воспротивилась этому предложению. Они сурово настаивали, чтобы галицкий дворянин показался народу. Тот по понятным причинам испугался. Тогда слово взял Феофилакт (или Филат) Межаков, авторитетный казацкий атаман с Дона, и потребовал избрать «природного царя Михаила Федоровича». Спорить с атаманом, за которым стояла грозная военная сила, не могли даже сановники. 21 февраля 1613 года Земский собор приговорил на царство нового монарха. Кем же был этот шестнадцатилетний отрок, на плечи которого неожиданно легла почти неограниченная власть над огромной страной? Раннее детство будущего царя прошло в Белозерске, маленьком городке, затерянном среди дремучих вологодских лесов. В эту отдаленную глушь московские цари традиционно ссылали опальных бояр и дворян. Так случилось и с Михаилом Романовым. Его отправили в Белозерск в четырехлетнем возрасте по приказу Бориса Годунова вместе с сестрами Татьяной и Анастасией, а также опальным князем Борисом Камбулатовичем Черкасским, близким родственником Романовых.

Ссылные были помещены в острог под строжайший надзор. Причиной такого сурового наказания была ненависть Годунова ко всем, кто мог бы составить ему соперничество на троне, а Романовы как раз и относились к таким людям. Формальная причина для опалы звучала вполне в духе времени. Бояре Романовы якобы собирались «извести» царя Бориса при помощи разных «колдовских корений и злых чар». Опале подверглись практически все представители этого боярского рода. Одни отправились в далекие остроги, другие были насильно пострижены в монахи.

Конечно, ссылных бояр содержали не вместе с разбойниками, ворами и прочими татями, однако условия были довольно суровыми. Ни взрослые, ни даже дети не имели права покидать тюремный двор. Исключения делались лишь по большим церковным праздникам. Правда, в отличие от уголовников, родовитые политические заключенные не голодали и не мерзли. Царь Борис, зорко следивший за всем, что происходит в Белозерске, написал начальнику стражи следующее: «...по Государеву указу велено ему во всем береженье держать, чтоб им в естве и в питье и ни в чем нужи не было».

Боярская дума, разделявшая власть с царем, ежедневно заседала в одной из палат дворца (худ. А. П. Рябушкин, 1893)

Единственным взрослым мужчиной среди ссыльных был князь Борис Камбулатович Черкасский, однако никакого участия в воспитании маленького Михаила Романова он не принимал. Это было не в традициях эпохи. Будущим царем занимались в основном женщины, мамы и няньки. Однако самую заметную роль в воспитании маленького Миши сыграла княгиня Марфа Никитична Черкасская. Несомненно, женское руководство наложило отпечаток на характер будущего царя. Михаил с детских лет отличался смирением, кротким нравом и необычайной ласковостью.

Со смертью Годунова девятилетнего Романова вернули в столицу и, как невинно потерпевшего, тут же пожаловали в стольники – почетный придворный чин. Юный Михаил увидел в такой неожиданной перемене судьбы промысел Божий. Он отличался религиозностью с самого детства, но по возвращении в Москву это качество лишь усилилось. Юноша часами простаивал на молитвах, регулярно ездил на богомолье и чрезвычайно ревностно придерживался всех церковных канонов. Кстати говоря, о своем избрании царем Михаил Федорович узнал лишь через несколько дней после окончания Земского собора. В этот момент он находился в Ипатьевском монастыре, что в Костроме.

Борис Годунов ненавидел Романовых как возможных соперников на троне (илл. из «Царского титулярника», 1672)

Современники отмечали, что этот тихий, скромный и мягкий молодой человек с начала царствования не испытывал склонности ни к государственным делам, ни к державному устройству. Неудивительно, что и мать Михаила, умная и волевая инокиня Марфа, узнав о решении Земского собора, пришла в ужас. По ее мнению, сын совершенно не подходил на роль властителя огромной державы. «Люди московские измалодушествовались!» – такова была ее первая реакция. Лишь после долгих уговоров мать, скрепя сердце, согласилась благословить сына на царство.

Михаил и сам долго колебался, стоит ли ему принимать шапку Мономаха. Ведь к тому времени он уже подумывал принять монашеский постриг. В Москву Михаил Федорович отправился лишь 19 марта 1613 года, то есть спустя полтора месяца после окончания Земского собора. Путь оказался долгим. По дороге в столицу новоизбранный царь заезжал во все монастыри, которые попадались на пути, участвовал в молебнах и испрашивал у отцов церкви благословения на подвиг царствования. Так что в столицу Михаил Романов прибыл лишь через полтора месяца после отъезда из Костромы. Встреча Михаила Федоровича была торжественной. Высшее духовенство, бояре, дворяне и посадские вышли крестным ходом к Спасским воротам. После долгого молебна у гробниц московских царей в Архангельском соборе Михаил Федорович отправился в Кремль. Коронация состоялась 11 июля 1613 года. Происходила она по тра-

диции в Успенском соборе. В центре храма, на высоком ступенчатом постаменте красовался парадный трон, по обе стороны от которого восседало высшее духовенство. Царские регалии были торжественно внесены в храм и выставлены на всеобщее обозрение на аналое рядом с тронем. После троекратного оглашения имени царя казанский митрополит Ефрем приступил к долгому и торжественному обряду венчания на царство, сопровождаемому таинством миропомазания. Эта церемония, известная еще со времен византийского императора Феодосия Великого, подчеркивала божественное происхождение царской власти. Писание повествует о помазании первосвященниками библейских властителей в знак благодати, дарованной им Господом для богоугодного управления царствами. На голову молодого царя была возложена шапка Мономаха. Кроме нее монарх получил и другие знаки царской власти: крест, золотую цепь, бармы и скипетр.

После благодарственного молебна и всех необходимых формальностей новоиспеченный царь отправился к народу. Такой выход, называвшийся великим, был обязательной частью чина венчания на царство. Радость москвичей была искренней и единодушной.

Народ, сплотившийся вокруг монарха, надеялся, что его правление наверняка положит конец всем недавним смутам. Молодой царь сумеет восстановить законность, порядок и справедливость.

Восшествие Михаила Федоровича на трон и ознаменовало появление новой царской династии, которой будет суждено править в России триста четыре года. Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба Михаила Романова, да и всей династии вообще, если бы юный царь не обладал одним ценным качеством: он умел прислушиваться к советам ближайшего окружения. По наставлению матери, авторитет которой в глазах молодого царя тогда был непререкаемым, Михаил Федорович сразу же окружил себя боярами, опытными в делах государственного устройства: Романовыми, Черкасскими, Лыковыми, Салтыковым, Шереметевым. По сути, на первых порах Михаил Федорович выполнял лишь представительские роли. До 1619 года страной фактически правила его мать, «великая старица Марфа». Однако такое положение дел пришлось по душе практически всем, от боярской верхушки и церковных иерархов до купцов, посадских, казаков и черносотенного крестьянства. Царь был добр, незлобив, приветлив и очень привержен древнему византийскому благочестию. Все это значительно укрепляло авторитет самодержавной власти, сильно подорванный за последние десятилетия.

В 1616 году по Москве разнесся слух о том, что инокиня Марфа собралась женить венценосного сына, которому к тому времени пошел двадцатый год. По всем городам Московского царства были устроены смотрины девиц. Кто-то из царского окружения отыскал в подмосковной Коломне юную красавицу Марию Хлопову из незнатного и небогатого дворянского рода. История этой неудачной женитьбы воскрешает в памяти шекспировские трагедии. Налицо тот же драматизм интриги и небывалый накал страстей!.. Мария Хлопова сразу же приглянулась молодому царю, и он без раздумий решил сделать ее царицей. Невесту тут же поселили в Кремле, дали ей новое имя Анастасия, после чего весть о будущей свадьбе разнеслась по всему государству. В известность об этом были поставлены и иностранные послы. Свадьба была уже делом решенным. В царский дворец поселили бабку и мать будущей царицы, а также всех прочих ее близких родственников.

А. Д. Кившенко «Избрание Михаила Федоровича Романова на царство», 1880

«Великая старица Марфа», мать Михаила Федоровича, была против его невесты уд. Ф. Г. Солнцев, 1770-е

Отцу и дяде было позволено ежедневно появляться во дворце. Михаилу Федоровичу очень понравился дядя невесты, Гавриил Васильевич Хлопов, человек умный и обстоятельный. Естественно, такое положение дел пришлось не по вкусу многим сановным боярам, окружавшим Михаила Федоровича, и прежде всего – многочисленным Салтыковым. Эти персоны

посчитали, что возвышение Гавриила Хлопова отдалит их от трона. Да и в глазах Михаила Михайловича Салтыкова, самого могущественного человека при дворе, служилые дворяне Хлоповы были безродными выскочками, которых следовало поставить на место.

Оставалось лишь ждать какого-нибудь удобного случая, и таковой вскоре представился. Царская невеста неожиданно заболела. Бесхитростный летописец подробно описал, как «ее рвало, и нутро ломало, и опухоль была великая». Девушка, воспитанная в канонах «Домостроя», была чрезвычайно испугана. Ведь болезнь случилась не в доме Хлоповых, а в царских палатах! Со страхом и мольбой смотрела она на всякого, кто заходил в ее покои, словно хотела прочесть правду во взглядах чужих людей. Не умрет ли она еще до венчания с царем Михаилом?

По всей видимости, это было обычное пищевое отравление, однако Михаил Федорович очень всполошился и приставил к невесте собственного лекаря Бальцера. Тот не нашел у больной ничего серьезного, прописал полный покой в течение нескольких дней. Вскоре она действительно поднялась на ноги. Однако боярин Михаил Салтыков сумел под благовидным предлогом удалить Бальцера из Москвы и соврал царю, что лекарь якобы обнаружил у его невесты неизлечимую болезнь, которая не позволит ей стать матерью престолонаследника.

Коварному Салтыкову удалось настроить против Хлоповой мать Михаила Федоровича, «великую старицу Марфу». Дело о продолжении царского рода выглядело настолько важным, что оно немедленно было передано на решение Боярской думы. Суд был скор и несправедлив. Дума приговорила, что «девица Хлопова к Государевой радости не прочна», после чего ее немедленно сослали в Сибирь, при этом разлучив с матерью и отцом, которого отправили на воеводство в Вологду. Именно мать Михаила Федоровича и настояла на том, чтобы Хлопову сослали в далекую сибирскую глушь. Не зря Михаил Салтыков ежедневно внушал ей мысль о неравности венценосного сына и худородной дворянки!

Мог ли сам Михаил Федорович воспротивиться разлуке с горячо любимой девушкой, которую гнусно оболгали его приближенные? Наверное, все-таки нет. Даже для Божьего помазанника слово матери было законом. При всем своем желании он не мог ее послушаться.

В 1619 году произошло событие, сыгравшее ключевую роль в правлении первого царя из династии Романовых. В Москву вернулся его отец, Ростовский митрополит Филарет, в миру – боярин Федор Никитич Романов. Этот персонаж – своего рода русский кардинал Ришелье, фигура которого до конца все еще не оценена современниками и не осмыслена историками. А ведь отец Михаила Романова настолько колоритен для своей эпохи и значим для истории России, что ему следует уделить особое внимание.

Это был умный, властолюбивый и расчетливый человек с ярко выраженным державным мышлением. В жизни Филарета были невероятные взлеты и глубочайшие падения. Он извдал ссылку в далекий архангельский монастырь, внезапное прощение с возведением в ранг Ростовского митрополита, хитросплетения политической борьбы, пленение с последующим освобождением... По возвращении в Москву летом 1619 года Филарет был со слезами принят своим венценосным сыном и уже спустя неделю стал патриархом Московским, получив при этом и звание Великого Государя – исключительно светский титул. Тем самым подчеркивалось, что Филарета теперь следует считать соправителем сына. Он будет руководить не только церковью, но и государством.

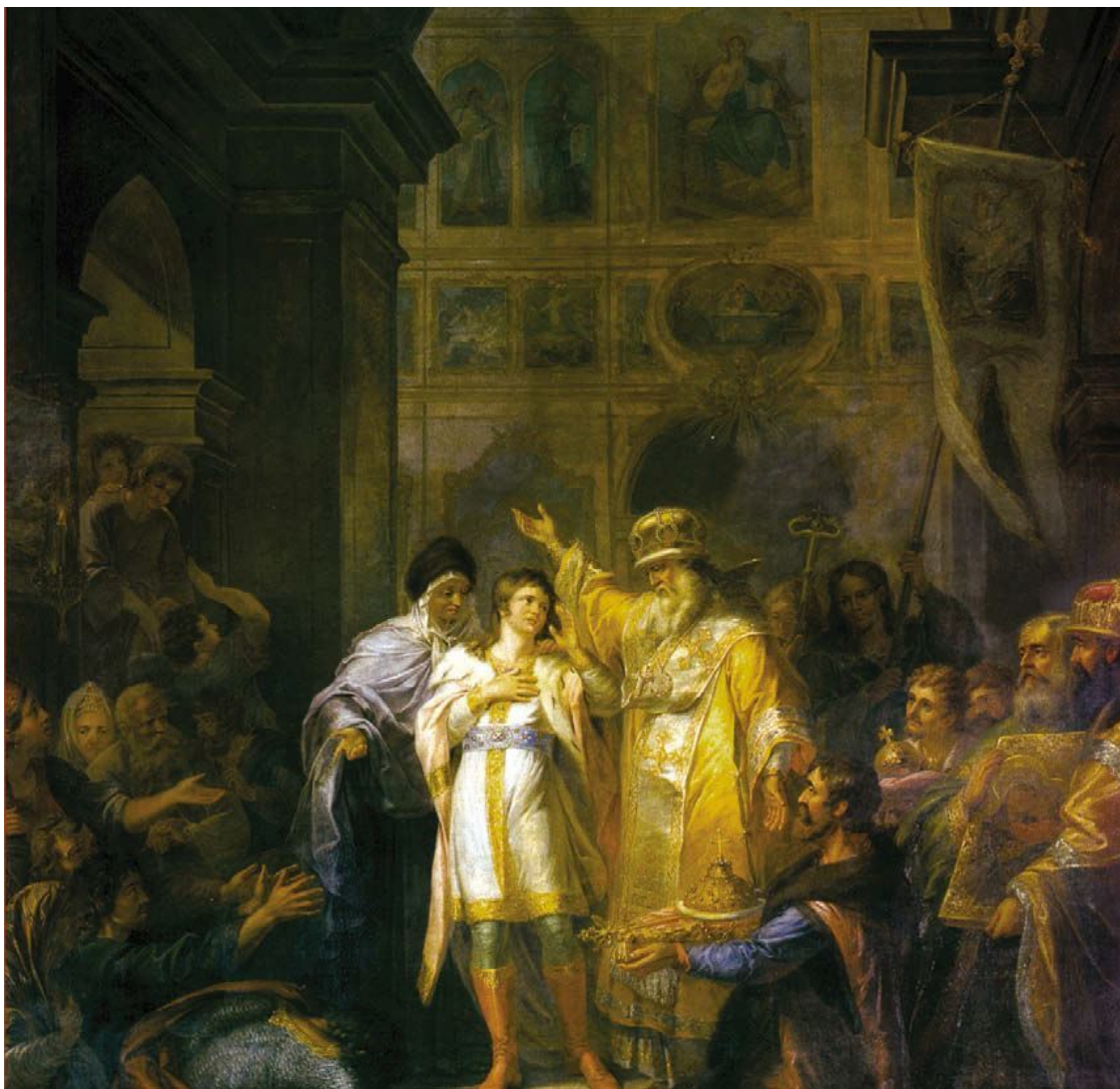

Русский кардинал Ришелье – митрополит Филарет, в миру Федор Никитич Романов, отец Михаила Федоровича (худ. Н. Л. Тютрюмов, 1870-е)

Михаил Федорович был полной противоположностью отцу и соправителю. Если молодой царь выглядел мягким и уступчивым, то Филарет – властным и жестким. Юный монарх был склонен прощать своих недругов, а Филарет никогда не спускал обид. Зато, в отличие от сына, его соправитель-отец был многоопытным тактиком и искушенным стратегом. Именно он, а не Михаил Федорович, определял как внутреннюю, так и внешнюю политику Московского царства.

Первым делом Филарет решил завершить эпопею с женитьбой сына. Естественно, лукавые царедворцы Салтыковы не преминули поспешить к новоизбранному патриарху с кляузками по поводу так и не состоявшегося брака с безродной дворянкой. Боярин Михайло Салтыков теперь распускал грязные слухи о том, что, дескать, в ссылке девица Хлопова «ведет себя непотребно». Поначалу патриарха почти убедили в справедливости расторжения помолвки. Филарет также склонялся к тому, что Михаила Федоровича следует как можно быстрее женить, притом желательно на родовой иностранной принцессе. Тут и произошло нечто из ряда вон выходящее!.. Михаил Федорович, который прежде производил впечатление человека мягкого, уступчивого и кроткого, категорически отказался жениться на ком-либо, кроме Хлоповой, которая уже третий год томилась в далекой сибирской ссылке. Для XVII века это было совершенно немыслимо. Молодой человек, пусть и помазанник Божий, идет наперекор воле батюшки, ставшего к тому же его официальным соправителем и патриархом Московским!..

Неизвестно, чем именно закончилась размолвка молодого царя с отцом, отличавшимся весьма крутым нравом. Однако уже спустя месяц Хлопова была переведена в Верхотурье, где условия ее содержания были значительно улучшены. Еще через год девушку поселили в довольно цивилизованном Нижнем Новгороде. Такие изменения в судьбе бывшей царской невесты не могли произойти без участия патриарха Филарета. Несомненно, этот умный и дальновидный человек решил пойти на уступки сыну. Мол, я позабочусь об этой девице, а ты исполнишь отцовскую волю и женишься на той иностранной принцессе, которую тебе сосватают.

Г. И. Угрюмов «Призвание на царство Михаила Федоровича Романова 14 марта 1613 года» (1799)

Однако Михаил Федорович и тут проявил просто каменную непреклонность. В качестве царицы и матери престолонаследника он видел лишь ту, которую любил до сих пор. Беспристрастный летописец сохранил для потомков его дословный ответ патриарху Филарету: «Сочетался я по закону Божию, обручена мне царица, кроме нея не хочу взять иную». Более того, молодой царь теперь энергично настаивал на всестороннем расследовании обстоятельств расторжения помолвки и особенно странной болезни Хлоповой. Филарет, при всей его властности, был человеком справедливым и потому поддержал требования сына.

Тут выяснилось, что в Тобольске и в Верхотурье «девица Хлопова» постоянно была совершенно здорова. В Нижнем Новгороде она тоже не страдала никакими болезнями, все это время блюла себя строго и богобоязненно. Все это выглядело настолько невероятным, что молодой царь поспешил собрать Боярскую думу, на которой, конечно же, присутствовали и Салтыковы. Перво-наперво Михаил Федорович учинил публичный допрос лекаря Бальцера, лечившего царицу. Тому пришлось лишь повторить свои прежние слова о временном недомогании Хлоповой и о совете «несколько дней пребывать в покое». То же самое под церковной присягой показал духовник Хлоповой, а также все ее родные.

Для детального допроса девушки в Нижний Новгород выехала следственная комиссия во главе с боярином Федором Шереметевым. Царь строго повелел им «к Хлоповой держать

честь и бережение во всем и деньги и запасы всякие на ее обиход давать, чтобы ей скудости и недостатка ни в чем не было».

Детальнейшее следствие шло полгода, и справедливость восторжествовала. Были получены неопровержимые доказательства вины боярина Михаила Салтыкова. Автор гнусных наветов немедленно подвергся опале и был отправлен из Москвы в далекую ссылку. Справедливости ради стоит заметить, что другие представители боярского рода Салтыковых, не замешанные в постыдной клевете на царскую невесту, не подверглись никаким репрессиям.

Казалось, теперь ничто не препятствует браку Михаила Федоровича и Марии Хлоповой. Небывалая твердость сына, до последнего отстаивавшего свое чувство, тронула даже кремневое сердце патриарха. Он торжественно пообещал юному царю, что благословит этот брак. Однако последнее слово все-таки оставалось за матерью, «великой старицей Марфой». Та по-прежнему проявляла непреклонность, не давала материнского благословения на сыновний брак. Более того, она торжественно заявила, что в случае женитьбы сына на Хлоповой навсегда покинет пределы его царства, и он до конца своих дней никогда ее больше не увидит.

Коронавание царя Михаила Феодоровича в Успенском соборе (литография XIX в. с гравюры XVII в.)

Небывалая твердость сына, отстаивавшего свое чувство, тронула даже патриарха. Но мать не дала благословения на брак, хотя Михаил Федорович молил ее изменить решение (худ. И. Г. Ведекинд, 1728)

Даже теперь, спустя почти четыреста лет, вполне можно представить отчаяние Михаила Федоровича. Выбор между сыновней привязанностью и любовью к невесте наверняка был для него слишком мучителен. Он горячо молил мать изменить решение, пытался воздействовать на нее через отца и близких бояр, однако инокиня проявила просто железную выдержку. Некоторое время она вообще отказывалась разговаривать с сыном.

Тут слово взяла доселе молчавшая Хлопова. Через верного человека она сообщила Михаилу Федоровичу, что по-прежнему его любит, но не хочет становиться причиной раздоров в царской семье. Мол, царь, которому следует думать о наследнике, волен распоряжаться собственным будущим по своему разумению.

Молодому монарху тяжело было смириться с таким поворотом событий. Вскоре, однако, в Нижний Новгород было отправлено официальное письмо, адресованное Ивану Хлопову, отцу бывшей невесты. В нем сообщалось, что «Государь дочь его Марию взять за себя не изволил». Марии было назначено богатое пожизненное довольствие и пожалован выморочный двор Козьмы Минина – да, того самого, знаменитого предводителя московского ополчения. Мария Хлопова скончалась в 1631 году и до самой смерти наверняка оставалась одним из самых светлых и чистых образов в воспоминаниях царя Михаила.

19 сентября 1624 года Михаил Федорович женился на девице из знатного рода Долгоруковых, шестнадцатилетней княжне Марии. Эту невесту ему сосватала боярская партия, причем на кандидатуре родовой княжны Долгоруковой очень настаивала мать царя. Однако и этому браку не суждено было стать долгим. Через несколько дней после свадьбы новобрачная серьезно заболела, слегла в постель и скончалась 6 января 1625 года. Истинные причины этой во всех отношениях загадочной смерти не выяснены и поныне. Однако по тогдашней Москве ходили упорные слухи, что кончина молодой царицы – Божья кара старице Марфе за несправедливое поругание ни в чем не повинной Хлоповой.

Через год после смерти Марии Долгоруковой по всему Московскому государству был объявлен очередной выбор царской невесты. Гонцы, отправленные по всем уездам, привезли в столицу множество пригожих девиц из боярских и дворянских родов. Вместе с няньками, мамками и служанками их поселили в дворцовых покоях. Кандидаток на должность царицы оказалось так много, что их разместили просто в коридорах, где были расставлены кровати.

В полночь Михаил Федорович вместе с престарелой матерью отправился посмотреть на спящих девиц, чтобы выбрать невесту. Пляшущий огонек свечи выхватывал из полутьмы лица девушек. Царь останавливался у каждой кровати, внимательно осматривал очередную барышню и медленно шел дальше.

Этот своеобразный кастинг закончился более чем неожиданно. Молодому царю приглянулась подруга одной дворянки, дочери Григория Волконского. Эта девушка даже не числилась среди официальных невест, но и версия о том, что она была простой служанкой, не соответствует действительности.

Будущую царицу звали Евдокия Стрешнева. Отец ее, Лукьян Степанович, был из незнатного мелкопоместного дворянства, воевал в ополчении князя Дмитрия Пожарского. За службу он получил земельный надел. Когда посланцы Михаила Федоровича отправились в его имение, чтобы торжественно объявить отцу царской невесты о Государевом выборе, они якобы нашли его в поле за плугом. Красиво, конечно, но вряд ли верно. Дело было в феврале. Об эту пору пахать под Калугой как-то рановато. Анна, мать Евдокии, и вообще, как говорится, из хорошей семьи. Ее отцом был князь Константин Романович Волконский.

Естественно, инокиня сперва не поверила, что ее венценосный сын всерьез собирается жениться на этой особе. Однако царь Михаил опять проявил выдержку и решимость отстаивать свой выбор. Вот его дословный ответ: «По воле только Божией и твоей принял я венец и царство; ни в чем не посмею быть ослушником матери моей. Ты всегда была наставницей и моим покровом – все исполню... Но сердце мое никогда не выберет, никогда другой не полюбит... Я определен к одним бедствиям! Первой супруги лишился в первые дни брачного союза, а возлюбленной невесты лишаюсь при самом ее избрании». Ответ этот, исполненный не только личного мужества, но и зрелой государственной мудрости, настолько впечатлил инокиню Марфу, что в данном случае она была вынуждена отступить.

Царица Евдокия Лукьянова Стрешнева, вторая супруга Михаила Федоровича (худ П. Ф. Борель, 1860-е)

Этот брак стал для Михаила Федоровича воистину счастливым. С царицей Евдокией они жили в полном согласии и уважении, оба умерли в 1645 году, с разницей всего в полтора месяца. Правда, из десяти детей, которых родила царица, шестеро умерли во младенчестве. До зрелого возраста дожили только четверо: Ирина, Анна, Татьяна и Алексей, который занял московский трон после смерти отца.

Чем же ознаменовано правление Михаила Федоровича? Многие российские историки, анализируя годы царствования первого из Романовых, делают упор на его несамостоятельность, нерешительность и инфантильность. Нередки обвинения и в том, что Михаил Романов не слишком заботился о государственных делах, передал их боярской верхушке.

Обвинения эти справедливы лишь отчасти. Так можно говорить только о первых годах правления основоположника династии. Первый Романов не имел никакого опыта державного управления. Он действительно поручил значительную часть важнейших дел сначала опытным государственным деятелям из числа думных бояр, а затем своему отцу патриарху Филарету, умному тактику и дальновидному стратегу. Но разве Московское царство от этого проиграло?

Правление Михаила Федоровича было ознаменовано значительными дипломатическими успехами: «вечным миром» со Швецией и прекращением войны с Речью Посполитой. Король Владислав окончательно отказался от притязаний на русский престол. Были налажены дружественные отношения с большинством европейских стран, с которыми Москва теперь регулярно обменивалась посольствами. Это значительно укрепило авторитет и легитимность царской власти в Европе.

После смерти своего отца и фактического соправителя Филарета царь Михаил Федорович властвовал единолично целых двенадцать лет. Его успехи трудно не признать.

По распоряжению царя была реорганизована армия, в которой появились полки «нового строя»: рейтарский, драгунский и солдатский. Была упорядочена система управления страной,

преодолены тяжелейшие последствия Великой смуты, основаны первые мануфактуры, выпускавшие прежде всего железо и оружие. В Москву были привлечены иностранные специалисты, которым предоставлялись беспрецедентные льготы. Спустя каких-то пятьдесят лет дети и внуки этих иностранцев, поселившихся в Москве на Кукуе, сыграют немалую роль в Петровских реформах.

Что же касается государственного ума царя Михаила Романова, то о нем красноречиво свидетельствует вот какой исторический факт. Голландские купцы добивались права торговли с Персией через русскую территорию. В 1630 году послы этой страны просили, чтобы им на тридцать лет было предоставлено право исключительной и беспошлинной торговли с Персией по Волге и Каспию. За это они обещали ежегодно вносить в царскую казну по 15 тысяч рублей. Им был дан отрицательный ответ. По челобитной московских купцов в подобной просьбе было отказано и англичанам. На утверждение голландских послов, что от торговли «во всех государствах большая дружба», русские бояре ответили: «Между Государями и государствами дружба и любовь бывает не для одной торговли».

Конечно же, Михаил Федорович не остался в памяти потомков таким ярким и харизматичным правителем, как его внук-реформатор Петр I или «царь-освободитель» Александр II. Его главная историческая заслуга состоит в восстановлении авторитета царской власти, без которой невозможно представить всю дальнейшую историю государства Российского.

Правление Михаила Федоровича ознаменовалось «вечным миром» со Швецией и прекращением войны с Речью Посполитой (неизв. худ., XVIII в.)

Алексей Михайлович

Второй российский самодержец из династии Романовых, получивший прозвище Тишайший, странновато звучащее для нынешнего уха, был, как уже говорилось выше, третьим из десяти детей царя Михаила, его старшим сыном. Единственным из трех, пережившим родителя.

Весьма вероятно, что на следующий день после смерти отца Алексей ощущал над своей головой шапку Мономаха, но не слишком осознавал, как это изменит его дальнейшую жизнь. Конечно, он знал, что является наследником престола, даже успел свыкнуться с этой мыслью, но ведь к царствованию его никто не готовил. Таких методик, по крайней мере на Руси, тогда просто не существовало.

Когда цесаревичу исполнилось пять лет, он попрощался с мамками. Царь возложил его дальнейшее воспитание и обучение на сына воеводы Ивана Морозова Бориса, возведя его при этом в боярский чин. Борис входил в окружение Михаила Федоровича почти с самого его воцарения, да и жил с 1615 года в царском дворце, так что Государь вполне мог ему доверять.

Следующие два года Алексей учился чтению, демонстрируя как способности, так и интерес к занятиям, что не менее важно. В семилетнем возрасте он начал осваивать письмо. Со временем у царевича завелась собственная, пусть и очень небольшая, библиотека. Помимо учебников по грамматике и церковных книг в ней нашлось место «Космографии» и географическим картам, привезенным из немецких земель.

Морозов привнес немало нового в процесс воспитания и обучения. В отличие от многих бояр, он не имел предубеждения к новым веяниям и с интересом относился ко всему, в чем европейские государства опережали Россию. Благодаря ему в покоях царевича появились иноземные музыкальные инструменты, печатные листы с картинками, детские латы, игрушечное оружие. Интерес к таким вещам он сумел привить и своему подопечному. Стараниями Морозова в гардеробе цесаревича и его младшего брата Ивана появилось «немецкое платье», то есть одежда европейского покроя.

Тем временем смерть безжалостно косила царских детей. Достигнув десятилетнего возраста, Алексей потерял уже четырех сестер и обоих братьев. Почти все они умерли во младенчестве, так что только об Иване он мог сожалеть по-настоящему.

1639 год был для царской семьи тяжелым. Сначала умер царевич Иван, которому едва исполнилось пять, а потом Василий. Если верить оставшимся записям, он прожил всего один день. Впрочем, если и неделю, как полагают некоторые историки, то что это меняло и для него, и для его близких? Тяжелые роды, после которых царица Евдокия сама едва не отдала Богу душу, подорвали ее здоровье. Больше детей у нее быть не могло. Поняв это, Михаил Федорович объявил Алексея наследником престола. Царевичу шел тогда четырнадцатый год.

Лето 1645 года принесло ему две самые великие потери. Сначала умер отец, а спустя всего несколько недель Алексей, едва вступивший на московский престол, потерял и мать. Молодой Государь, по характеру и воспитанию человек тихий, добродушный, религиозный, но любопытный к разным наукам, к делам государственным был подготовлен слабо. Посему для молодого царя очень много значило мнение старшей сестры Ирины, долгое время бывшей ему лучшим другом и советчиком. Еще важнее были наставления Бориса Морозова, которому он привык доверять за годы учебы.

Фактически Борис Морозов, которому, к слову, в тот год исполнилось 55 лет, обрел немалую власть с воцарением своего воспитанника. Можно даже сказать, что он руководил им, особенно на первых порах. Однако насколько положительным было влияние Морозова на воспитание и образование цесаревича, настолько же отрицательно оно сказалось на делах государственных, особенно внутренних.

Пользуясь доверием царя, Морозов стал начальником нескольких важнейших приказов, в том числе Стрелецкого и Большой казны. Он ведал всеми доходами государства, в том числе с купеческой торговли, чеканкой монет, налогами и много чем еще, вплоть до аптек. Поле для злоупотреблений царскому любимцу открывалось большое. Морозов и так был нисколько не беден, являлся одним из крупнейших землевладельцев, имел собственные железные и соляные промыслы, но хотел, наверное, быть еще богаче. Кроме того, в казне хронически не хватало денег. Руководствуясь как государственными, так и личными интересами, Морозов пытался изыскивать всё новые пути получения доходов.

Из представленных красавиц Алексей Михайлович выбрал Евфимию, дочь помещика Всеволожского (худ. Г. С. Седов, 1882)

Несмотря на все его таланты, получалось с этим не очень. Так, придуманное им увеличение пошлины на соль должно было заменить собой целый ряд податей помельче, упростить тем самым процесс налогообложения. А вышло с точностью до наоборот. Эта мера вызвала немалое раздражение в народе. Никто не хотел обращать внимания на то, что с них больше не собирали «стрелецкие» или «ямские» деньги, зато всем бросилось в глаза, что пошлина на соль стала больше самой цены на нее.

Тем временем молодой Государь задумал жениться. Из числа представленных ему потенциальных невест царю приглянулась его ровесница, дочь касимовского помещика Федора Всеволожского Евфимия, но такой выбор Алексея Михайловича не устраивал «русского Ришелье». Морозов опасался, что ничем не обязанная ему родня Евфимии, стань она царицей, отодвинет его от фактического руководства государством. В итоге на смотринах Евфимия упала в обморок, принятый всеми за приступ падучей болезни.

М. В. Нестеров «Первая встреча царя Алексея Михайловича с боярышней Марией Ильичиной Милославской (Выбор царской невесты)», 1887

Морозов же, по слухам, этот обморок и организовавший, обвинил отца девушки в том, что тот скрыл ее болезнь, и ни в чем не повинная семья отправилась в ссылку в Тюмень. Впоследствии Всеволожским позволили вернуться в свое имение, но без права из него выезжать. Через десять лет после несостоявшейся свадьбы Евфимия умерла.

Молодой Государь был очень расстроен случившимся. Морозов же всячески пытался его развлечь... и отвлечь от дел государственных. Вошедший в силу боярин делиться властью ни с кем не хотел, избавлялся от возможных конкурентов быстро и без лишних сантиментов. Даже родного дядю царя он сумел отправить в ссылку по ложному обвинению.

Чтобы закрепить свое влияние на молодого Государя, Морозов сам нашел ему невесту. У его верного союзника, не слишком родовитого и не особо богатого дворянина Ильи Милославского как раз были две дочери-красавицы на выданье. Существуют разные версии того, как именно молодой Государь познакомился с Марией Милославской. Как бы то ни было, но в январе 1648 года они сыграли свадьбу.

Выждав немного, Морозов женился на другой дочери Милославского, Анне. Породнившись таким образом с Государем, боярин полагал свои позиции совершенно несокрушимыми и был, в общем-то, прав. Никто не посягнул бы на царева родственника. Однако надо заметить, что если для Алексея Михайловича этот брак в итоге оказался совершенно счастливым, то Морозов, человек не юный, который уже был однажды не слишком удачно женат, изводил молодую супругу своей ревностью.

Тем временем, оказавшись тестем как царю, так и фактическому правителю, Милославский принялся активно поправлять свое материальное положение, как выразился бы наш современник. Иначе говоря, он притеснял, воровал, наживался. Родственники царского тестя получали назначения на хлебные места, но и потом от него не отставали.

Мария Милославская родила ему тринадцать детей, в том числе пятерых сыновей (неизв. худ., конец XIX в.)

Их деяния сплетались с нехорошими слухами, ходившими по Москве. Мол, царь и боярин Морозов слишком уж увлекаются всякой иностранщиной. Все это вместе с общим недовольством новой соляной пошлиной, пусть и отмененной по случаю царской свадьбы, очень скоро привело к взрыву народного возмущения. Спустя всего несколько месяцев после царской свадьбы в Москве вспыхнул легендарный Соляной бунт. Эхом прокатились беспорядки в других городах.

Погромы и грабежи, охватившие столицу, унесли немало жизней – как самих бунтовщиков, так и тех вельмож, выдачи которых требовали повстанцы, видевшие в них виновников своих несчастий. Они жаждали получить на расправу и Морозова, однако Алексей Михайлович, узнав об этом, тайно отправил своего любимца из Москвы в Кирилло-Белозерский монастырь. Это решение царя спасло боярину жизнь. Бунтовщики всего лишь разграбили его дом.

Но такая забота оказалась роковой во всех остальных смыслах. Когда Морозов, переждав смуту, вернулся, расположение царя к нему было по-прежнему добрым и оставалось таковым еще многие годы. Но вот в его руководстве молодой Государь более не нуждался. В отсутствие своего наставника он наконец возмужал, сформировался как самодержец, сумел взять в свои руки бразды правления в полном смысле этого слова, да и новыми советниками обзавелся.

При этом Государь не только усердно молился и тешился своими титулами и регалиями, как казалось некоторым. Кстати, неуважения к государственным символам и собственной особе царь, несмотря на свою молодость, никому не спускал.

В том же 1648 году, едва утих бунт, Алексей Михайлович взялся за военную реформу. Тогдашнее российское войско особой боеспособностью не отличалось, разворачивалось очень медленно и, по большому счету, способно было только тянуть из казны средства на свое содержание. При этом оно и само вполне могло взбунтоваться. Перед молодым Государем стоял пример отца, при котором в России уже создавались полки «нового строя».

Тот факт, что за основу бралась иностранная система организации войск и подготовки солдат, царя не смущал. Он понимал, что отработана она немалой кровью, знал о том, как успешно действовали полки «иноземного строя» во время войны 1632 – 1634 годов. Его отец распустил их потом исключительно из-за отсутствия средств. Хорошо обученная и оснащенная армия стоит дорого!

На руку планам русского царя сыграло окончание в октябре того же года Тридцатилетней войны, бушевавшей до этого в Европе. Благодаря наступившему миру в западных странах осталась не у дел масса профессиональных военных, готовых служить любому нанимателю за сущие гроши, просто чтобы не сдохнуть с голоду. Многим из них короли и герцоги так и не выплатили всех обещанных монет. Дальний путь и незнание языка для этих вояк проблемой не являлись.

Русский царь тоже не сильно расстраивался по поводу того, что офицеры в его новых полках почти сплошь иностранцы. Он понимал, что поначалу своих взять будет негде. Следующие шесть лет в русском войске формировались полки «нового строя»: рейтарские, солдатские, драгунские, гусарский – усиливались лучшие «старые» воинские части. В архивах сохранилось штатное расписание рейтарского полка, составленное Государем в 1651 году, и его же записи о тактике действия рейтар в бою. Известны чертежи пушки, разработанной лично Алексеем Михайловичем.

Военная реформа продолжалась и в ходе боев с западными соседями, Польшей и Литвой, которые входили в состав Речи Посполитой. Схватки вспыхнули в 1654 году. Формировались новые полки, довооружались уже созданные. Царские посланцы продолжали отыскивать в Европе толковых офицеров, артиллеристов, инженеров, фортификаторов...

В молодости царь увлекался охотой и часто приезжал в Коломенский дворец (грав. Ф. Гильфердинга, 1780)

Здесь позволю себе небольшое, но важное отступление. Как слово «немец» долгое время означало иноземца вообще, так и под «Польшей» или «Литвой» в России разумели едва ли не все земли на запад за Смоленском, не видя между двумя названиями особой разницы.

Между тем она была, причем немалая. Польское королевство и Великое княжество Литовское, пребывая в формальной унии, имели своих собственных правителей – короля и великого князя – собственные деньги, армии и государственные языки. В Литве таковым являлся русский, ныне для удобства лингвистов именуемый старобелорусским. Само государство именовалось так: Великое княжество Литовское, Русское Жемойтское и иных. Иначе говоря, слово «Литва» обозначало территорию, а определение «русское» не случайно стояло впереди «жемойтского», отражая реальное соотношение численности и значимости народов, населяющих это государство. При этом поляки не имели права занимать в Литве государственные должности и владеть именьями.

Жители княжества вне зависимости от национальности называли себя литвинами. Предки нынешних литовцев тогда даже одним народом не являлись, делились на жемойтов и аукштайтов. Большинство населения этой страны исповедовало униатство, то есть формально подчинялось папе римскому, но исполняло православные обряды. Католичество в чистом виде еще долго проигрывало по степени распространения православию и протестантским течениям.

Если короче, между собой дрались два «русских» государства. Надо думать, бояре, активно подогревавшие в молодом Государе воинственные настроения, хорошо об этом знали. Но возможность погреть руки на войне брала верх.

Еще одним важным моментом начала царствования Алексея Михайловича стало принятие Соборного уложения 1649 года, иначе говоря, свода законов. Поводом для его создания стал уже упоминавшийся Соляной бунт, среди требований участников которого значилось как раз это и созыв Земского собора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.